Герцогиня

Автор:
Даниэла Стил

Герцогиня

Даниэла Стил

Миры Даниэлы

Из роскошного родового замка – в грязь и нищету парижских улиц…

Из мишурного блеска парижского полусвета – в бурный, почти еще дикий Нью-Йорк…

Юная Анжелика Латэм даже не подозревала, что ей, дочери английского герцога, придется познать унижение, нищету и одиночество, а затем стать хозяйкой самого дорогого и знаменитого борделя веселого «города любви».

Но где, в каких краях и на каких берегах ей предстояло обрести любовь и счастье?..

Даниэла Стил

Герцогиня

Глава 1

Великолепный замок Белгрейв непоколебимо стоял в самом сердце Хартфордшира с шестнадцатого века. Без малого триста лет одиннадцать поколений рода Латэм бережно передавали его от отца к сыну. Нынешний владелец замка – Филипп Латэм, герцог Уэстерфилд – чтил традиции предков и содержал семейное достояние в образцовом порядке.

Земли поместья простирались далеко за горизонт – обширные леса, поля фермеров-арендаторов, большое озеро, изобилующее рыбой. Филипп управлял имением с юных лет, после того как его отец погиб во время охоты. Под бдительным оком хозяина замок и окрестности процветали.

Сейчас, в свои семьдесят четыре, герцог постепенно передавал познания в области рачительного ведения хозяйства старшему сыну, Тристану. Тот был явно готов принять титул герцога и взять на себя заботы по управлению имением. Ему исполнилось сорок пять лет, он был женат и имел двух дочерей. Второй сын, Эдвард, в свои сорок два года не обзавелся ни супругой, ни законными детьми, хотя внебрачных наплодил немало. Точное число назвать не мог даже сам распутник. Азартные игры и вино интересовали его больше, чем последствия любовных похождений. Таким образом, на Тристане и Эдварде мужская линия Латэмов пресекалась. И у Филиппа хватало поводов для размышлений и волнений.

Оба джентльмена были детьми Филиппа и его первой супруги, Арабеллы, приходившейся мужу троюродной сестрой и происходившей из графского рода. Она обладала весьма немалыми достоинствами – богатым приданым, безупречным воспитанием и красотой. Когда они обвенчались, Уэстерфилду было двадцать восемь, а невесте совсем недавно исполнилось семнадцать. Арабелла и молодой герцог составляли прекрасную пару.

Однако вскоре Филипп обнаружил, что за красивой внешностью жены скрывалась довольно холодная и не слишком приятная личность, все сильнее проступавшая с возрастом. Ее гораздо больше интересовала светская суета, нежели жизнь собственного семейства. Когда Тристану исполнилось семь лет, Арабелла скончалась от острой инфлюэнцы. Герцогу пришлось растить сыновей одному. Конечно, не без помощи гувернеров, вдовствующей герцогини – матери Филиппа – и обширного штата прислуги.

Многие пытались выдать своих дочерей за вдовца, но безуспешно. И только через двадцать лет после смерти жены герцог снова влюбился.

Мари-Изабель приходилась кузиной французскому королю Людовику XVI, казненному во время Французской революции. Дочь маркиза, представительница Орлеанского дома с одной стороны и династии Бурбонов с другой, она родилась в первый год революции. Ее родители вскоре сошли в могилу вслед за королем. Их замок сожгли дотла, все имущество разграбили. Маркиз, предчувствуя трагическое развитие событий, успел отправить Мари-Изабель в Англию к друзьям, оставив распоряжения на случай своей гибели.

Она была необыкновенно красива – белокурые волосы, огромные синие глаза, фарфоровый цвет кожи и восхитительная фигура.

Уэстерфилд тоже произвел на юную француженку большое впечатление. Спустя четыре месяца после знакомства влюбленные обвенчались.

Мари-Изабель полюбила Белгрейв так же сильно, как и ее супруг. Она участвовала в управлении домом и помогала менять обстановку в нем на более современную. Все в ней души не чаяли. В свои пятьдесят пять Филипп чувствовал себя рядом с Мари-Изабель мальчишкой.

Их жизнь текла словно в сказке, пусть и короткой. В первый год брака Мари-Изабель родила мужу дочь и умерла через два дня после родов. Анжелика оказалась очень похожа на мать, у нее были такие же светлые волосы и большие небесно-синие глаза. Потеряв жену, Филипп обратил всю свою любовь на дочь. Он повсюду брал Анжелику с собой и научил всему, чему учил ее братьев, а возможно, и гораздо большему. Анжелика унаследовала от отца страсть к Белгрейву, а также его управленческие таланты. Они часто советовались, как им поступить по делам имения, не раз Уэстерфилд слушался совета дочери и никогда не жалел об этом.

Обучали Анжелику дома, и благодаря гувернантке-француженке она прекрасно говорила на родном языке матери. Этого хотел Филипп.

Шли годы. Герцог старел, и Анжелика прекрасно о нем заботилась. Одним словом, она была идеальной дочерью.

Филипп испытывал угрызения совести, что редко вывозит ее в Лондон. Поездки в столицу отнимали у него много сил, а интерес к светской жизни он потерял

давным-давно. В 1821 году состоялась коронация Георга IV. Филипп, приходящийся королю кузеном, был приглашен на церемонию и взял Анжелику с собой. Ей тогда было двенадцать лет. Юную леди поразил размах торжества и последовавших за ним праздничных мероприятий. Филипп вернулся в Хартфордшир изможденным, но, видя счастье в глазах Анжелики, о поездке не пожалел.

С тех пор Уэстерфилд часто думал о первом сезоне дочери, о бале, который ему предстояло организовать в особняке на Гросвенор-сквер. Как же ему не хотелось этого делать! Наверняка Анжелике сразу же найдется жених – иначе просто быть не могло. А Филипп еще не был готов с ней расстаться.

Несколькими годами ранее он позволил Тристану с супругой и дочерьми поселиться в лондонском особняке. Элизабет, жена наследника Белгрейва, вполне могла представить Анжелику высшему обществу. От герцога требовались только деньги. Однако Тристан и Эдвард испытывали нездоровую зависть к Анжелике, а ее мать терпеть не могли и, пожалуй, даже ненавидели. Герцог горевал по этому поводу, и с каждым годом его беспокойство за дочь росло.

Согласно закону, титул, имущество и земли переходили Тристану – кроме небольшой доли денег и усадьбы под Белгрейвом, в которой жила вдовствующая герцогиня. Это причиталось Эдварду. Анжелике Филипп не мог передать ровным счетом ничего. Кроме того, согласно положению о наследовании Тристан не имел никаких обязательств перед сестрой. Герцог несколько раз выражал старшему сыну свое желание, чтобы тот заботился о единокровной сестре, например, позволил ей жить в большом доме во владениях Уэстерфилдов, называвшемся просто Коттеджем. Однако воздействовать на Тристана герцог никак не мог.

Многие бессонные ночи Уэстерфилд провел, пытаясь измыслить выход из бедственного положения, в которое могла попасть дочь. Его здоровье со временем отнюдь не крепло.

Уже целый месяц Филипп страдал от инфекции легких, и Анжелика была крайне обеспокоена. Стоял необычайно холодный ноябрь, и верная дочь распорядилась постоянно поддерживать огонь в камине в спальне герцога. Зимой в Белгрейве нередко случались заморозки, а в этом году снег выпал еще в октябре. Анжелика отчетливо слышала завывание могучего ветра снаружи, пока читала

отцу, сидя у его постели.

В полдень в спальню заглянула миссис Уайт, экономка, и осведомилась о самочувствии герцога. Посовещавшись, они с Анжеликой решили, что пора посылать за врачом. Так же считал и камердинер Филиппа, Джон Маркхэм, верой и правдой служивший своему хозяину еще задолго до того, как у герцога появилась дочь. Всех тревожило ухудшающееся состояние Уэстерфилда.

Домом заправлял дворецкий Хобсон, соперничавший с Маркхэмом за внимание герцога. Но сейчас, в столь беспокойное для всех время, и он примирился с камердинером. Анжелика испытывала к слугам большую благодарность за их верность ее отцу, всеми любимому, доброму и очень доброжелательному хозяину. Эти же качества Филипп привил и дочери.

Анжелика знала каждого лакея, каждую горничную по имени, знала, чем живут конюхи и смотрители замка, была знакома с арендаторами отцовских земель и их семействами. При встрече она всегда интересовалась их жизнью, например, когда проверяла белье вместе с миссис Уайт или выслушивала отчет о положении дел на кухне.

Кухарка, миссис Уильямс, была женщиной доброй, но правила своей вотчиной железной рукой, раздавала указания подчиненным, словно матерый сержант, и спуску никому не давала. Однако ее строгость в полной мере оправдывали отменный вкус и изысканность меню. Сейчас она искушала герцога его любимыми лакомствами, но вот уже три дня блюда возвращались на кухню нетронутыми. От такого зрелища на глаза кухарки наворачивались слезы. Она боялась, что это дурной знак. Те, кто видел Уэстерфилда, соглашались с ней.

Филипп выглядел ужасно и никак не реагировал на заботу, которой его окружили дочь и любящие слуги. Все, что он делал, – это спал, и больше ему ничего не хотелось. Это было на него не похоже. Пусть герцогу и исполнилось семьдесят четыре года, он всегда оставался энергичным, интересующимся решительно всем, что происходило вокруг.

После отъезда доктора Анжелика пыталась уговорить отца съесть суп, приготовленный миссис Уильямс, но герцог лишь вяло отмахнулся.

– Папа, прошу вас, попробуйте. Это очень вкусно, и вы сильно обидите нашу кухарку, если не отведаете хотя бы ложку.

В ответ герцог попытался что-то возразить, но не успел и слова сказать – долгий приступ кашля настиг его. Спустя пять минут он в изнеможении откинулся на подушки. Не было никаких сомнений – Филипп очень ослаб, как бы Анжелике ни хотелось верить в обратное. Отец уснул, пока она держала его за руку. Маркхэм несколько раз останавливался на пороге комнаты, тихо заглядывал внутрь и так же тихо уходил.

– Как чувствует себя его светлость? – спросил Хобсон, когда они встретились на кухне.

– Все так же, – с беспокойством ответил Маркхэм.

– Что же будет с юной бедняжкой? – вздохнула миссис Уайт. – Если что-то случится с его светлостью, судьба Анжелики окажется в руках братьев.

– К сожалению, ничего не поделаешь, – ответил Хобсон. Желал бы он не беспокоиться об Анжелике так же, как экономка, но не получалось. Он полагал, что лучшим для дочери герцога было бы выйти замуж до кончины отца, оставаясь под защитой супруга и с отцовским приданым. Но Анжелика не появлялась в свете, хотя могла это сделать еще прошлым летом. Ни ей, ни Уэстерфилду этого не хотелось. Теперь, если отец не поправится, она сможет отправиться на свой первый бал только с Тристаном. Однако старший брат не испытывал интереса к ее будущему. У него было две дочери, сильно уступающие в красоте и обаянии тетушке. Анжелика была всего на год старше их и наверняка произвела бы сенсацию в свете – чего совершенно не хотели Тристан и его жена.

Вскоре после ужина Маркхэм вновь отправился проведать герцога. Тот по-прежнему спал, Анжелика едва притронулась к пище и явно недавно плакала. Конечно, она знала, что рано или поздно отец покинет ее, но была к этому не готова, и боялась, что страшный миг наступит совсем скоро.

Прошло еще три дня. Состояние Филиппа не ухудшалось, но и не улучшалось. Однажды ночью он открыл глаза и четко сказал Анжелике:

– Я желаю отправиться в кабинет.

Бодрый тон его голоса напомнил дочери те времена, когда отец был здоров, и она обрадовалась. Но если у герцога и появились силы, их следовало беречь.

– Не сегодня, папа. Ночь выдалась слишком холодная.

В небольшом кабинете, примыкающем к спальне, камин не разжигали, ведь герцог не покидал постель уже больше недели.

– Не спорь со мной, – строго возразил Филипп. – Мне нужно тебе кое-что вручить.

На мгновение Анжелика задумалась, не бредит ли он, но герцог выглядел полностью вменяемым.

– Папа, вы можете сделать это завтра, или скажите, что нужно, и я принесу.

Филипп молча отбросил одеяло и встал. В каждом его движении сквозила железная решимость. Боясь, что отец все же упадет, Анжелика бросилась к нему и подхватила под руку. Медленно ступая, они направились в кабинет.

Как Анжелика и опасалась, в комнате царил холод, словно они вышли на улицу. Однако отца это не остановило. Точно зная, что ищет, он подошел к одной из полок, взял толстый фолиант в кожаном переплете и тяжело опустился в кресло. Анжелика зажгла свечу на письменном столе и увидела, что середина страниц в книге вырезана. Из тайника Филипп вынул кожаный кошелек и письмо. После чего поставил книгу на место и, опираясь на дочь, вернулся в постель.

– Анжелика, я хочу, чтобы ты спрятала эти вещи в безопасном месте, – произнес герцог, протягивая ей содержимое тайника. – Никому не рассказывай о них. Хочется верить, что, когда меня не станет, твой брат позаботится о тебе, но закон не на твоей стороне. Не трать деньги сейчас. Храни их до последнего и используй только в случае крайней необходимости. Если ты не захочешь оставаться в Белгрейве или по каким-то причинам тебе придется его покинуть, ты сможешь купить дом и жить, ни в чем себе не отказывая.

Филипп говорил будничным тоном о событиях, о которых Анжелике было даже страшно помыслить, но сам он думал о них беспрестанно.

– Папа, не говорите так! – со слезами ответила она. – Разве я смогу не захотеть здесь остаться, зачем мне покупать дом? Белгрейв – вот наш дом.

От речи отца у нее побежали мурашки. Она походила на испуганное маленькое дитя.

– Дочь моя, тебе не нужно читать письмо прямо сейчас. Прочти его после того, как я… покину тебя. Когда это случится, Белгрейв будет домом Тристана и Элизабет. Твоя жизнь станет зависеть от их щедрости, протекать по их правилам. У них есть две дочери, о которых надо заботиться. Они не будут думать о твоем будущем, но о нем уже давно думаю я. Здесь двадцать пять тысяч фунтов – этого хватит надолго, если тратить их с умом. Моя дорогая, я искренне надеюсь, что Белгрейв будет твоим домом всю жизнь или хотя бы до замужества, но я не могу предвидеть будущее. Я попросил Тристана позволить тебе жить в замке или в Коттедже, однако мне все же будет спокойнее, если я буду знать, что у тебя есть собственные средства. Я препоручаю эти деньги тебе вместе со всей своей любовью. Письмо подтверждает – я выдал их тебе при жизни и они в твоем полном распоряжении.

По щекам Анжелики текли слезы, но отец действительно выглядел сейчас гораздо спокойнее, чем в прошлые дни. Она поняла, что мысли о ее будущем не давали ему покоя, и, передав ей вещи из тайника, герцог испытал облегчение. Анжелика взяла кошелек и письмо, и отец с усталой улыбкой откинулся на подушки.

– Папа, мне не нужно все это, и вам не следовало напрягаться сейчас…

Анжелика знала: это его первый шаг на пути в мир иной, и она вовсе не хотела помогать ему в этом путешествии. Но и расстраивать отца тоже не желала, хотя и не могла вообразить, что ей делать с двадцатью пятью тысячами фунтов. Умопомрачительная сумма – и теперь она принадлежала Анжелике. На самом деле эти деньги – все, что у нее было. После смерти герцога она будет менее зависимой от содержания, которое выделит ей брат. Щедрый подарок отца давал ей определенную защиту.

– Спасибо, папа, – с трудом выговорила она сквозь слезы и поцеловала его.

– А теперь я посплю, – тихо произнес герцог, закрывая глаза, и спустя мгновение заснул.

Анжелика сидела рядом, глядя на пламя камина и сжимая в руках кошелек и письмо.

Да, если герцог умрет, она сможет достойно жить, но все, чего Анжелика хотела, – это чтобы ее отец прожил еще очень и очень долго.

Она прочла письмо. В нем подтверждалось, что двадцать пять тысяч фунтов – это денежный дар герцога, а также говорилось, что Анжелике следует хранить при себе все украшения матери. Анжелика знала: если Тристан попросит, ей придется вернуть все семейные драгоценности, которые отец передал дочери, но подарки Филиппа второй жене она отдавать не обязана. Уэстерфилд сделал для нее все возможное, и оставалось лишь молиться о сыновнем почтении к просьбе старика уважать и содержать сестру как подобает. Анжелика была уверена: пусть Тристан и ненавидел ее мать, отца он послушается.

Этой ночью и отец, и дочь спали крепко и впервые за много дней спокойно.

Глава 2

Утром Анжелика, Маркхэм и миссис Уайт сошлись во мнении, что герцогу стало хуже. Несмотря на разожженный камин и горы одеял и пледов, Филипп дрожал в ознобе. К тому же участились тяжелейшие приступы кашля.

Срочно вызванный доктор подтвердил, что состояние его светлости ухудшилось. Анжелика испугалась: вдруг виной тому то, что отец вставал ночью с постели? Однако, по словам доктора, болезнь осложнялась инфекцией в легких. А делать обычное в таких случаях кровопускание было рискованно – герцог был слишком слаб. Доктор чуть было не предложил послать за сыновьями Филиппа, но решил не волновать Анжелику еще больше – она и так очень тревожилась за здоровье отца.

Во второй половине дня Уэстерфилд ненадолго проснулся и первым делом спросил Анжелику, спрятала ли она его дар в безопасном месте, а получив положительный ответ, снова задремал с улыбкой на устах.

Вновь он пробудился лишь около полуночи. Казалось, ему стало лучше, хотя жар и не спал.

– Папа, вам непременно нужно выздороветь, я не могу без вас, – Анжелика поцеловала его в щеку.

Он улыбнулся, кивнул и закрыл глаза снова, погружаясь в сон. Анжелика не отпускала его руку. Герцог спал спокойно, не ворочаясь и не бредя. Дыхание было размеренным, без хрипа. Через некоторое время и оно затихло. Дочь поцеловала герцога в лоб и попыталась нежно разбудить, но Филипп уже скончался. Чудесный отец, прекрасный муж, образцовый землевладелец оставил этот мир. Теперь герцогом Уэстерфилдом стал Тристан, пусть он еще и не знал этого.

Остаток ночи Анжелика провела у постели усопшего, а утром отправилась к Хобсону и поведала тому печальное известие. Немедленно послали за доктором. Тот подтвердил, что его светлость действительно скончался ночью, и выразил соболезнование дочери покойного. Новость постепенно распространялась по дому. Анжелике казалось, что ей снится дурной сон. Обмыв и одев герцога, слуги перенесли тело в библиотеку, где оно должно было покоиться до приезда наследника. Отправленный в Лондон слуга вернулся с наступлением ночи и возвестил о том, что его светлость приедет утром. Такое обращение к брату резало Анжелике слух, но такова была правда. Титул и Белгрейв теперь по праву принадлежали Тристану.

Весь день и большую часть ночи Анжелика оставалась с отцом, и лишь увещевания миссис Уайт побудили ее немного отдохнуть. Словно контуженая, Анжелика побрела на кухню есть суп, приготовленный миссис Уильямс. Она не помнила, когда в последний раз ела, но не чувствовала голода. Отец, которого она так любила, умер. Неважно, что будет дальше – невозможно представить жизнь в Белгрейве да и где бы то ни было без него. В голове стучала одна мысль: теперь она сирота. Никто не сможет заменить ей родителя. Мир вдруг стал бесконечно пустым…

Впервые за много дней Анжелика заснула в собственной постели и крепко проспала до утра, пока ее не разбудил шум, доносящийся с улицы. Она выглянула в окно. Тристан, одетый в пышный траур, направлялся к дверям замка. Новый герцог приехал в свои владения.

Надев строгое черное платье с высоким воротником, Анжелика вышла к брату в столовую. Ее на миг ошеломило, что Тристан сидит на отцовском месте – во главе стола. Впрочем, теперь это место по праву принадлежало ему. Анжелика подошла к Тристану и обняла его. Он застыл в ее объятиях, словно каменное изваяние.

– Доброе утро, Тристан, – тихо проговорила она и села рядом с ним. – Ты уже видел папу?

Он покачал головой:

– Я зайду после завтрака. Жутко проголодался в дороге.

Не зная, что сказать, Анжелика кивнула. Сама она едва могла есть. Поразительно. Почему он первым делом не зашел к отцу?

– Элизабет тоже приедет сегодня, – продолжил новоиспеченный герцог Уэстерфилд. – Я приказал Хобсону и миссис Уайт распорядиться о подготовке комнат – с супругой прибудут и наши дочери. Эдвард появится завтра. Я подумал, похороны стоит назначить на воскресенье.

Анжелику поразил тон брата – будто он говорил о ежедневной рутине. Столь же будничным тоном он поведал, что их отца ждет погребение в семейном склепе, и это весьма удачно, поскольку земля уже промерзла и копать могилу в таких условиях практически невозможно.

После завтрака Анжелика отправилась к себе, но заметила, что в комнате отца горничные застилают постель. Сначала она подумала, что они наводят порядок, но затем увидела огонь в камине и цветы в вазах.

– Что здесь происходит? – спросила Анжелика. От приготовлений комната выглядела еще печальнее. Казалось, будто отец вот-вот в нее войдет.

– Миссис Уайт распорядилась привести все в порядок для его светлости и герцогини, – ответила главная горничная, Маргарет.

– Они будут спать тут? Уже этой ночью? – словно громом пораженная промолвила Анжелика.

Служанка кивнула. Подумать только!

Оказалось, что и для дочерей Тристана готовят отнюдь не те спальни, которые обычно отводились им во время визитов в Белгрейв. В их новой комнате, как правило, размещали представителей Короны.

С трудом осознавая происходящее, Анжелика напомнила себе, что ей следует во всем соглашаться с братом и другими членами семейства и всячески им помогать. Но все-таки перемены происходили слишком быстро и слишком резко. Отца еще даже не похоронили! Прошел всего день с его кончины. Успокоившись и собравшись с силами, она спустилась на первый этаж и встретила Тристана, покидающего библиотеку.

– Кстати, – немедленно проговорил тот, смерив ее пристальным холодным взглядом, – Элизабет решила, тебе стоит перебраться в одну из комнат поменьше, для гостей. Она ни в чем не хочет ограничивать наших дочерей в их новом доме, а Гвинет всегда нравился вид из твоего окна.

Но… ведь это и ее дом тоже! Как же так?

Однако со вчерашнего дня Белгрейв стал в первую очередь домом Тристана и его жены. Анжелика действительно приобрела статус гостьи. То, чего боялся отец, началось.

– Конечно, я все приготовлю для нее, – кротко ответила она.

Анжелика решила переселиться в одну из комнат на том же этаже, но подальше от семейства брата, чтобы не мешать им.

– Элизабет считает, тебе будет лучше в одной из комнат наверху, – продолжил Тристан.

Весь верхний этаж, о котором говорил брат, действительно отводился гостям. Впрочем, не самым почетным: комнаты были маловаты и обставлены старой мебелью. И хотя в каждой имелся камин, обогревались они посредственно. Комфортную жизнь в замке Анжелике обеспечивать явно не собирались. Возможно, стоит серьезно задуматься о переезде в Коттедж, как и намекал отец.

За несколько часов полностью освободить комнату было невозможно, но Анжелика все-таки принялась за дело немедленно. Она освободила от большей части вещей гардеробы, комод и убрала бумаги с письменного стола. Заперев кошелек, подаренный отцом, в ящике стола новой спальни, она отправилась вниз, проверить ход приготовлений к приезду ее племянниц и Элизабет.

Миссис Уайт лично руководила горничными, и все комнаты были уже в идеальном порядке. Анжелика не смогла заставить себя войти в отцовскую спальню и всякий раз, когда слуги называли Тристана «его светлостью», едва не вздрагивала. Тяжело было видеть в нем хозяина Белгрейва. Впрочем, она знала, что рано или поздно Тристан унаследует титул и владения отца. К тому же, пусть ее старший брат и обладал некоторой заносчивостью и большим самомнением, будь наследником Эдвард, ситуация оказалась бы гораздо печальнее. Младший брат промотал бы все за считаные месяцы.

Тристан же планировал провести неделю после похорон с управляющим имением, дабы вникнуть во все детали ведения хозяйства в замке. Конечно, он многое знал от отца, но все-таки не столь подробно, как ему того хотелось. Кроме того, он считал отца слишком мягким и щедрым хозяином. Тристан предпочитал строгое отношение к слугам и уже давно планировал урезать расходы на прислугу – уволив одну часть и сократив жалованье другой.

В связи с этим – и не только – внизу царила отнюдь не радостная атмосфера. Тристан совал свой нос во все происходящее в доме, вплоть до мелочей, и засыпал Хобсона вопросами. Дворецкий хранил внешнюю невозмутимость и безупречную вежливость, но Анжелика чувствовала: поведение нового хозяина его раздражало.

Во второй половине дня в нарочито пышном экипаже, запряженном четырьмя вороными конями, которыми правили два кучера, прибыли Элизабет и дочери. Все три были одеты в пышные торжественные, пусть и черные, платья и шляпы. Лицо герцогини скрывалось за вуалью, а плечи покрывала накидка из

чернобурых лисиц.

С высокомерным видом троица прошествовала в замок, оставив встретивших их слуг стоять на морозе.

Оглядевшись в главном зале, Элизабет ледяным тоном громко объявила:

– Интересно, как много времени уйдет у нас на приведение замка в подобающую чистоту?!

Замок, однако, всегда поддерживался в безупречном порядке стараниями миссис Уайт, которая очень этим гордилась.

Анжелика, как и слуги, вышла навстречу родственницам, но новая хозяйка Белгрейва прошла мимо нее как ни в чем не бывало, не обронив ни слова. Гвинет и Луиза же смерили тетю пренебрежительными взглядами, словно она здесь никто.

Анжелика проводила Гвинет в свою комнату и выразила надежду, что та с удовольствием проведет здесь время, на что племянница рассмеялась:

– Я вообще-то въезжаю сюда. Матушка сказала, так нужно. Остальные свои вещи можете забрать завтра.

Анжелика не произнесла ни слова, решив, что поговорит об этом с Элизабет. Неужели придется поселиться в тесной комнате наверху, где сорок лет не было ремонта? Ее собственная спальня – похоже, отныне принадлежащая Гвинет, – последний раз переделывалась всего три года назад, на пятнадцатый день рождения Анжелики. Она вместе с отцом уехала во Флоренцию с визитом к его старому другу, а когда вернулась, в комнате уже красовались обои из розового сатина и новая мебель прямиком из Парижа.

Переезд в Коттедж манил все больше и больше.

Элизабет раздавала указания направо и налево, распорядившись изменить меню на ужин. Новоиспеченной герцогине было все равно, что до вечера оставалось совсем немного времени, да и все в замке еще не пришли в себя после смерти

старого герцога. Она холодно заявила, что все члены ее семейства обладают деликатными желудками и не могут есть деревенскую пищу. От таких слов кухарка побагровела: она всегда гордилась изысканностью своих блюд, часто сверяла рецепты с рецептами поваров лучших домов Лондона и выписывала журналы о французской кухне. «Деревенской пищей» ее блюда еще никто не называл.

За ужином Элизабет объявила о больших переменах, которые собиралась произвести в Белгрейве, в том числе о смене меблировки и новой отделке многих комнат. Гвинет и Луиза весь вечер грубили слугам, и их никто не одергивал, а после ужина поднялись в бывшую комнату Анжелики, даже не пожелав тете доброй ночи. Тристан с супругой отправились в кабинет и захлопнули перед ней дверь, заявив, что хотят поговорить с глазу на глаз.

Анжелика немного побыла с отцом, а затем поднялась в отведенную ей комнату, упала на постель и расплакалась. Проведать скорбящую дочь прежнего герцога зашла миссис Уайт.

– Вы в порядке? – озабоченно спросила домоправительница. Она понимала, как это тяжело: потерять отца и мириться с подлым поведением Тристана, его жены и детей. Но, к сожалению, миссис Уайт была всего лишь прислугой и ничем не могла помочь дочери Филиппа, как бы горячо ни любила ее за доброту и хозяйственность. Все, что могли слуги, – это осуждать действия новоиспеченной герцогской четы в разговорах между собой.

Анжелика кивнула и попыталась улыбнуться, хотя по щекам текли слезы. Миссис Уайт вела себя с ней как мать. Она начала служить в Белгрейве еще задолго до того, как покойный герцог женился на Мари-Изабель. Экономка одной из первых держала новорожденную дочь бедной герцогини на руках.

Для Фионы Уайт, не имеющей собственной семьи и детей, Анжелика стала любимым ребенком.

– Все так… изменилось, – произнесла Анжелика, чувствуя себя неловко. Ей не хотелось жаловаться или невольно грубить брату за его спиной.

– Перемен не избежать, – промолвила в ответ экономка, погладив несчастную сироту по голове. – Но новый герцог и его семья очень уж спешат заявить нам,

что Белгрейв теперь принадлежит им.

Анжелика молча кивнула.

– Впрочем, совсем скоро им надоест жить здесь и они вернутся в Лондон, – с улыбкой продолжила миссис Уайт. – Они городские аристократы, их быстро начнет снедать скука.

– Надеюсь, вы правы, – согласилась Анжелика, хотя и сомневалась, что это так. Со слов Гвинет она поняла, что Тристан и его семейство весьма серьезно настроены остаться в замке надолго.

– О, я уверена в собственной правоте, а как только они отбудут, все вернется на круги своя.

За тем исключением, что прежнего герцога уже не воскресить. Для Анжелики это обстоятельство меняло все, в отличие от слуг. Нынешнему Уэстерфилду требовалась прислуга, но в Анжелике он вовсе не нуждался. Подумаешь, единокровная сестра от ненавистной мачехи. Ее упрятать бы на чердак, словно ненужную вещь, и забыть о ней. То, как быстро ее выгнали из собственной комнаты, говорило о многом.

Пожелав Анжелике спокойной ночи, миссис Уайт отправилась вниз. По пути ей встретился Хобсон.

– Как она? – с очевидным волнением спросил он.

– Расстроена, и неудивительно, – ответила экономка. – Тело ее отца едва остыло, а они уже ведут себя с ней так, будто Анжелика одна из нас.

Дворецкий покачал головой. Его потрясло поведение Тристана и Элизабет.

– Его светлости не пришлось бы по нраву то, что сейчас творится, – молвил Хобсон, однако тот, о ком он говорил, уже отошел в мир иной, а его наследник имел каменное сердце.

Ночью Анжелика много часов пролежала без сна, раздумывая о событиях последних двух дней. Ее новая комната была ужасно холодной, окна не закрывались до конца, впуская внутрь ледяной ветер. К утру она продрогла до костей.

Когда Анжелика спустилась к завтраку, Тристан даже не оторвал взгляд от газеты. Элизабет с дочерьми завтракали в постели, чего Анжелика никогда не делала. Она всегда спускалась в столовую и беседовала с отцом, обсуждая планы на день, книги, события в мире. Брат не обмолвился с ней ни словом, лишь напомнил вернуть фамильные драгоценности, кроме купленных Филиппом второй жене. Храня стоическое выражение лица, она отдала украшения спустя полчаса.

Вскоре после обеда в элегантном экипаже, запряженном четверкой лошадей, прибыл Эдвард. За каретой следовали два его лучших скакуна. Жизнь в замке он находил крайне скучной, в отличие от лондонской, и явно намеревался заняться верховой ездой – единственным, по его мнению, развлечением в Белгрейве.

Эдвард не обращал никакого внимания на Анжелику и, после того, как порадовался роскошным комнатам, выделенным ему невесткой, отправился изучать окрестности на одном из своих скакунов – отцовским конюшням он не доверял, говоря, что лошади там слишком смирные.

Тем временем в замок стекались местные жители, чтобы попрощаться со старым герцогом. Тихо перешептываясь, многие выходили из библиотеки в слезах.

После очередного утомительного дня Анжелика легла в постель изнуренной. На этот раз она прихватила несколько горячих кирпичей, замотанных в ткань, завесила окна одеялами и развела огонь в камине. Однако холод оказался непобедим, и эту ночь она провела не лучше, чем предыдущую.

Утром Филиппа Латэма, герцога Уэстерфилда, похоронили в родовой усыпальнице рядом с родителями и обеими женами. После поминального обеда новый герцог попросил Анжелику присоединиться к нему в библиотеке, где совсем недавно лежало тело Филиппа.

– Я хотел поговорить с тобой, – непринужденно заявил его светлость. – Мы с Элизабет много обсуждали это… Я знаю, для тебя, да и, пожалуй, для слуг

сложилась непростая ситуация. Отец позволял тебе заниматься домашним хозяйством, но теперь в твоей помощи нет нужды. Элизабет все реорганизует и будет за всем следить. – Тристан говорил так, словно сестра была малым ребенком, однако Анжелика, несмотря на юный возраст, отлично управлялась с ведением дома. – Будет крайне неловко, если окажется, что здесь для тебя нет дела, – продолжил Тристан, – да и мы не хотим смущать слуг…

– Я уверена, они не испытывают никаких сомнений в том, кто хозяин Белгрейва, – несколько нервно ответила Анжелика. – Они прекрасно понимают, что теперь это ваши земли и ваш дом, которым будет управлять Элизабет. Мы все ожидали этого, папе нездоровилось уже очень давно. – Конечно, смерть отца разбила ей сердце, но все-таки не застала врасплох. Просто Анжелике не хотелось даже думать о таком развитии событий. – И я ни в коем случае не собираюсь вам мешать.

– Именно об этом мы с Элизабет и раздумывали.

– Папа полагал, что со временем мне следует переселиться в Коттедж. Возможно, момент настал? – поколебавшись, произнесла она.

– Нет, конечно, нет, – Тристан решительно отмел эту идею. – Девушка твоего возраста не может жить одна. Кроме того, у нас другие планы на Коттедж. Мать Элизабет неважно себя чувствует в последнее время, может быть, загородный воздух пойдет ей на пользу. У нас для тебя другое предложение. Анжелика, как тебе известно, наш отец не оставил тебе ничего. Не мог по закону. Он попросил, чтобы я выплачивал тебе пособие, но, откровенно говоря, выполнить его просьбу было бы верхом безответственности с моей стороны. Отец старел, и некоторые из его последних идей – настоящий бред. Я не могу уменьшить расходы на поддержание дел в Белгрейве из-за твоего пособия. Кроме того, так поступить – крайне нечестно по отношению к моим дочерям. Уверен, тебе отнюдь не хочется быть для нас обузой.

– Нет, нет, конечно, нет, – смущенно вставила Анжелика, не понимая, к чему он клонит.

– К сожалению, вынужден заметить: у юных дам в твоей ситуации нет выбора. Они должны работать. Но для работы, например, учительницей у тебя нет образования. Многие девушки из приличных семей становятся гувернантками и

живут под защитой своих нанимателей. Однако ты, опять же, не имеешь ни образования, ни опыта такой работы. Но ничто не мешает тебе стать нянькой – тогда спустя некоторое время, проведенное в усердных трудах, у тебя появится возможность попробовать себя в роли гувернантки. Мы с Элизабет хотим помочь тебе в этом благородном начинании. Когда отец заболел и я понял, чем все закончится, я поговорил с некоторыми весьма респектабельными друзьями, и один из них согласился нанять тебя няней, правда, за небольшое жалованье, поскольку у тебя отсутствует опыт. Живет он в Гэмпшире, у него четверо маленьких детей. И он, и его жена люди в высшей степени приятные и добрые.

После этих слов Тристан улыбнулся, словно сделал сестре громадное одолжение, которому она должна быть бесконечно рада.

Анжелика побледнела и чуть не упала в обморок. Однако, не желая доставлять брату такое удовольствие, собрала всю волю в кулак и расправила плечи. Как и боялся Филипп, Тристану нельзя было доверять заботу о сестре. Новоиспеченный герцог оказался подлецом и нарушил обещание, данное отцу, выдворяя ее из дома. В это было сложно поверить! Хотя, учитывая, как сильно Тристан, Эдвард и Элизабет ненавидели Анжелику, такой поворот событий оказался неудивителен.

– Мы уже обо всем договорились, – заверил ее брат. – Бо?льшую часть вещей можешь оставить здесь, они будут храниться на чердаке. В ближайшем будущем тебе вряд ли понадобится изысканный гардероб, ты будешь носить простое платье, подобающее няне, и фартук. Мы собирались поставить тебя в известность позже, через неделю-другую, но, похоже, прежняя няня уезжает раньше, чем они рассчитывали, и тебе необходимо как можно скорее приступить к выполнению своих обязанностей. Мне кажется, это очень своевременно: никаких долгих дней скорби по отцу – у Фергюсонов твоя голова будет занята мыслями о службе.

О, да если послушать Тристана, то все складывалось прекрасно, однако сути его поступка это не меняло. Он вонзал нож в спину сестры, отправляя ее на нелегкий заработок подальше от дома. Вот его долгожданная месть за отцовскую любовь к ней.

– Когда я должна прибыть на место? – выдавила Анжелика, с ужасом глядя на брата.

– Завтра. Ты уезжаешь на рассвете, в коляске – ни в коем случае не в отцовском экипаже. Ты теперь работающая женщина, и тебе не подобает разъезжать в карете. Уверен, ты отлично справишься со всем и однажды станешь гувернанткой. Сможешь учить детей французскому.

Тристана всегда раздражало, что его сестра говорит по-французски. Впрочем, он и пальцем не пошевелил, чтобы выучить еще один язык.

Теперь Анжелика поняла: отец сделал ей бесценный дар, но не смог защитить от участи слуги в чужом доме. Впрочем, он наказал не тратить деньги без крайней необходимости, и она послушается его. Если ее уволят или потребуется купить дом, она воспользуется содержимым кошелька. А пока ей будут выплачивать жалованье и предоставят крышу над головой. Анжелика была уверена, что сможет найти другой способ зарабатывать и в жизни ее ждет нечто большее, чем такая судьба.

– Итак, решено, – сказал Тристан, поднимаясь из кресла. – Сегодня у тебя много хлопот – следует паковать вещи. Не надо прощаться с Элизабет и юными леди – я попрощаюсь с тобой за них.

Желая ему спокойной ночи, Анжелика знала: она никогда не вернется в родной дом. Белгрейв и время, проведенное здесь с отцом, останутся лишь в памяти, как чудесное наваждение. Тристан и его жена-злодейка лишили ее почти всего.

Может быть, они думали, что это ее сломит?

Как бы не так! Да, ей тяжело. Но Анжелика будет сражаться до последнего за свою судьбу. Им назло.

Выйдя из библиотеки, Тристан стал подниматься по лестнице. Анжелика представила, как он входит в отцовскую спальню и говорит Элизабет, что с делом его сестры покончено. Они разделались с ней в точности так, как того хотели.

В эту минуту Анжелика возненавидела брата, как никогда в жизни.

Она отправилась повидаться с миссис Уайт. Экономка как раз закрывала свою конторку рядом с кабинетом Хобсона и желала дворецкому доброй ночи.

– Что случилось, дитя мое? – спросила экономка, едва завидя Анжелику. Та сейчас выглядела вовсе не как леди, а как маленькая девочка, так знакомая домоправительнице.

– Они отправляют меня работать няней!

– Что-что? – поразился Хобсон. – Невозможно! Его светлость никогда не позволил бы такому случиться!

Оба старых слуги были поражены жестокостью и вероломством новых хозяев. Новый герцог нарушил слово, данное отцу, и просто избавился от сестры, вместо того чтобы заботиться о ней. Не успела Анжелика лишиться отца, как сразу же потеряла дом.

– Однажды они попросят вас вернуться, – с надеждой произнесла миссис Уайт, хотя знала – Тристан недобрый человек, и его супруга также была жестокосердной, эгоистичной и жадной.

Анжелика упала в объятия экономки. Хобсон отвернулся, чтобы женщины не видели слез, катившихся по его щекам. Он не мог смириться с поступками герцогской четы, но и помочь был не в состоянии. Бедное дитя, ей пришлось повзрослеть слишком рано.

– Я буду в порядке, – храбро заметила Анжелика.

– Вы будете писать нам, правда? – спросила домоправительница.

– Конечно. Первое письмо отправлю по приезде. А вы?

– Естественно, да, – ответила миссис Уайт и снова обняла Анжелику.

Анжелика отправилась к себе, собирать вещи к отъезду. Все красивые платья, книги и некоторые безделушки она уложила в сундуки. Небольшой портрет отца, миниатюрное изображение матери, самые любимые книги, несколько

скромных платьев и строгих шляпок, а также веер матери, нравившийся Анжелике с самого детства, упаковала в дорожные сумки. Заснула она с чувством, будто завтра утром ее ждет гильотина, как и предков по материнской линии.

Позавтракала Анжелика в комнате для слуг, после чего Хобсон и миссис Уайт, словно любящие родители, проводили ее к небольшой коляске. Они – все, что осталось у нее от семьи. Глядя ей вслед, дворецкий и экономка плакали.

Из окна бывшей отцовской спальни за ее отъездом наблюдал Тристан. Дочь французской шлюшки наконец-то освободила его земли, его замок. О, как он ждал этого момента и какое упоение испытывал сейчас!

Дочь покойного Филиппа Латэма, герцога Уэстерфилда, смотрела в будущее хоть и с неизбежным страхом, но с храбростью и достоинством. В одной из дорожных сумок лежал заветный кошелек. Анжелика снова и снова благодарила отца за щедрый подарок. Когда-нибудь на эти деньги она купит дом и, если придется, проживет на них. Но не сейчас. Не сейчас.

В замке Белгрейв тем утром воцарилась странная тишина, словно из имения вытянули всю жизнь. Все, кто трудился в нем, поняли: без прежнего владельца и его дочери настали темные времена. На все вопросы об Анжелике Хобсон и миссис Уайт лишь пожимали плечами и отвечали: «Ее нет». Тристан Латэм, герцог Уэстерфилд, хранил молчание. Но все поняли: леди Анжелика уехала и они никогда больше ее не увидят.

Глава 3

По пути из Хартфордшира в Гэмпшир Вилфред, юный кучер, правивший коляской, сделал остановку в Сент-Олбанс, чтобы перекусить. В таверне, сидя за столом в одиночестве, – Вилфред ел вместе с конюхами, – Анжелика чувствовала себя неловко. Она впервые ехала куда-то одна, и множество мыслей вертелось у нее в голове. Смерть отца, потеря дома, предательство брата, деньги, будущее… Обо всем требовалось подумать.

Раньше она жила в мире господ, теперь ей предстояло стать частью мира прислуги. Конечно, ей был знаком их образ жизни – все же она вместе с отцом управляла Белгрейвом, но при этом оставалась хозяйкой. Сейчас все будет иначе. Приходилось надеяться, что Фергюсоны – приличные люди и будут добры к ней.

Анжелика никогда не задирала нос, но ее воспитание и благородное происхождение было не скрыть. Какое бы платье она ни надела, Анжелика говорила как леди, поступала как леди, двигалась как леди.

По пути в Гэмпшир она не раз плакала, горюя об отце и доме. Весь ее мир оказался разрушен в считаные дни. Анжелика знала: ей сочувствуют только слуги, которых она знала всю жизнь. Родные же, наоборот, наверняка предавались тихому ликованию.

Когда коляска прибыла в Гэмпшир, уже смеркалось. Поездка продолжалась более одиннадцати часов. Следуя указаниям, данным герцогом, Вилфред легко нашел нужный дом. Весьма симпатичный особняк с ухоженными землями вокруг, хоть и уступал по размерам Белгрейву, производил вполне приятное впечатление. Из дверей показался лакей в безупречной ливрее и попросил прибывших войти через черный ход.

– Простите, миледи, – тихо произнес Вилфред в замешательстве. – Этот простак принял нас обоих за слуг. Я провожу вас к парадным дверям. – Кучер не знал истинной цели приезда Анжелики и предположил, что это дом друзей семьи и она приехала погостить и оправиться от смерти отца.

– Не стоит, я пройду через черный ход, – ответила Анжелика.

– Можете войти внутрь, – обратился к ней лакей. – Миссис Олбрайт оповестила нас о том, что вы должны приехать. Она здесь домоправительница. Ужин через несколько минут.

Бросив взгляд на багаж в руках Вилфреда, он заметил:

– Оставьте вещи здесь. Она может внести их позже.

Кучер оглянулся на хозяйку в замешательстве. С ней обращались как со служанкой, а не с благородной леди!

Анжелика улыбнулась:

– Все в порядке, Вилферд, мне кто-нибудь поможет.

Но кучер сомневался. Что-то тут не очень приветливо и гостеприимно обращались с его хозяйкой.

– Со мной ничего не случится. – Анжелика хотела спровадить его поскорее – лишнее внимание ей было не нужно.

– Уверены?

– Абсолютно. И… спасибо, что довезли меня.

Вилфред кивнул, попрощался и, забравшись в коляску, поехал прочь от особняка.

Недолго посмотрев ему вслед, Анжелика вошла в дом вслед за лакеем. В комнате для слуг царило оживление. Хоть дом Фергюсонов и был меньше Белгрейва, штат прислуги, кажется, был такой же. Вокруг сверкали явно новые ливреи, некоторые из лакеев носили напудренные парики. Слуги отца так одевались, только когда в замке гостили особы королевских кровей.

Пока Анжелика оглядывалась по сторонам, к ней приблизилась высокая женщина с седыми волосами. Своим внешним видом она походила на тюремщика. Это впечатление усиливали ключи, бряцающие у нее на поясе и служившие символом ее положения в доме.

– Я миссис Олбрайт, экономка, – представилась она без улыбки. – А вы новая нянька, Анжела Латэм?

– Анжелика. – Она боялась суровой домоправительницы, но не собиралась этого показывать.

– Звучит по-иностранному, – нахмурилась миссис Олбрайт.

– Это французское имя.

– Миссис Фергюсон понравится, – сказала экономка, все еще неодобрительно хмурясь. – Ужин прямо сейчас. Потом одна из горничных покажет вам вашу комнату. Правда, вы проведете в ней только эту ночь, а затем переселитесь в детскую, просто ваша предшественница еще не уехала. Я слыхала, у вас полно сумок, так вот, я не понимаю, зачем они вам тут. Носить будете платья, которые выдают нянькам по указанию миссис Фергюсон. А в собственных нарядах сможете ходить только полдня раз в месяц, и то если дети не будут болеть.

Анжелика не стала объяснять экономке, что три дорожные сумки и небольшой сундук – это все ее имущество и дома у нее нет.

Кухарка, судя по всему, знала свое дело, ей помогали три служанки. Анжелика насчитала за столом двадцать человек. Кто-то указал ей на свободное место, и она немедленно заняла его. Подали еду, и слуги жадно накинулись на нее, словно спешили и хотели управиться поскорее.

– Ох, в этот уик-энд тут будет званый вечер, всю неделю жуткая суета. Сегодня вот поехали на охоту, а ночью начнется большой прием, куча гостей из окрестностей приедет. Хозяева часто такие приемы устраивают, особенно в Лондоне. Правда, туда вы нечасто будете наведываться. Они детей обычно тут оставляют, когда уезжают в город, – начала рассказывать служанка, сидевшая рядом с Анжеликой. – Меня, кстати, Сарой звать. Я одна из горничных там, наверху. Осторожнее с миссис Олбрайт. Чуть что – прогонит, уволит, и дело с концом, – шепотом предупредила она.

– Что, и предыдущую няню прогнали?

– Да нет, она просто едет домой, в Ирландию. И не нарадуется, что уезжает отсюда. Детишки – жуткие сорвиголовы.

Анжелика кивнула и назвала свое имя, на что Сара улыбнулась и представила ей остальных слуг. Во главе стола восседал мистер Гилхоули, дворецкий, напротив него – миссис Олбрайт. И хотя атмосфера за столом царила вполне приятная и дружелюбная, Анжелика слишком нервничала, чтобы есть.

Одна из горничных робко кокетничала со старшим лакеем, сидевшим рядом с дворецким. Заметив это, Гилхоули жестко отчитал девушку. Похоже, они с миссис Олбрайт держали слуг в ежовых рукавицах.

– Кто раньше был вашим нанимателем? – спросила Сара после ужина.

Анжелика на секунду задумалась, однако решила сказать правду.

– Никто, для меня это впервые, – робко произнесла она.

Сара улыбнулась.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать.

– Мм, чудесно. Мне двадцать шесть, – с некоторой горечью произнесла горничная, а затем заговорщически понизила голос: – Я служу уже десять лет. Гуляю с одним из конюхов. Как только мы накопим достаточно средств, немедля обвенчаемся. Может, уже скоро, – с надеждой добавила она.

Анжелика была тронута. Ей открылась незнакомая грань жизни. У слуг мало денег, много работы, а супружеская жизнь вовсе не воспринималась как данное, а скорее являлась целью, которой надо добиваться и для достижения которой требовалось трудиться и экономить годами.

– С няней Фергюсон познакомитесь завтра утром, – сказала ей миссис Олбрайт, когда лакеи и дворецкий отправились наверх. По правилам к няням и личным служанкам леди обращались по фамилиям их нанимателей. – Завтрак в шесть. Сара покажет вам, где вы сегодня ночуете, няня Латэм.

Анжелика кивнула и тихо пошла за горничной.

– Хозяин вполне ничего, – начала рассказывать Сара о Фергюсонах. – У него немного… блуждающий взор, но он держит себя в руках. В предыдущем доме мне постоянно требовалось запирать дверь на ночь, чтобы отделаться от

хозяина. Однако с братом хозяйки держите ухо востро. Тот еще дьявол, и красивый, как сто чертей. Но если вам нравятся такие и вы ничего не сможете поделать, прячьтесь от миссис Олбрайт. Поймает – вылетите без рекомендаций.

– Нет, нет, я никогда… – с ужасом возразила Анжелика. О том, что у нее такой же брат, она промолчала. – А как хозяйка?

– Ой, очень избалованная. Мистер Фергюсон дает ей все, чего она только ни потребует. У нее о-го-го какие платья, драгоценности… Не знаю, зачем ей дети? Откровенно говоря, она никогда их не навещает и вечно находит причины, почему не может сидеть с ними. Говорит, они болеют то и дело и она боится заразиться. А ваши родители? Где они, чем занимаются? – с любопытством спросила Сара.

– Я… Мой отец только что скончался… А мать умерла при родах… Отныне я сирота.

– Жаль, жаль, – сочувственно произнесла горничная.

Спальня Анжелики оказалась крошечной и тесной. Убранство было спартанским. Даже самая маленькая комната слуги в Белгрейве превосходила эту раза в два. Фергюсоны явно не заботились о комфорте прислуги.

– У няни в детской просторнее, – заверила Сара, – хоть и не намного. Впрочем, рядом довольно неплохая гостиная, и, если дети будут спать, можно ночью посидеть там. Правда, Бриджет говорит, что малыш не спит полночи, у него зубы режутся.

Анжелика кивнула. Как она справится с детьми? Она ничего не знала о том, как о них заботиться, и практически не видела их в своей жизни. Да, определенно это будет новый опыт для нее.

Осмотрев комнату, Анжелика отправилась за багажом. Помощи никто не предложил, и ей пришлось возвращаться три раза. После этого она едва нашла в себе силы помыться и лечь в постель. Несколько часов Анжелика размышляла, что принесет ей новый день, и надеялась, что произведет хорошее впечатление на Фергюсонов.

В ту ночь она несколько раз просыпалась в испуге, будто проспала. Наконец в пять часов встала и к шести спустилась на завтрак.

Одна из подручных кухарки подала Анжелике чай, однако, прежде чем она смогла притронуться к еде, появилась горничная и заявила, что мисс Латэм ожидают в детской.

Детская располагалась на третьем этаже. Здесь же находились комнаты миссис Олбрайт, личной служанки миссис Фергюсон, кухарки и старших горничных, а также небольшая гостиная.

Анжелика несколько раз постучала в тяжелую деревянную дверь, из-за которой раздавался детский плач, но ей никто не ответил. Наконец она вошла без приглашения и увидела веснушчатую рыжеволосую девушку, укачивающую на руках рыдающего младенца. Рядом с ней стояли двое детей, и еще один ребенок лет двух-трех забрался на стол и бросал во все стороны игрушки.

Совершенный вертеп!

Подавив острое желание немедленно убежать отсюда, она прокричала:

– Здравствуйте, я – Анжелика!

– А я – Бриджет. Вы – новая няня? – с надеждой спросила девушка.

– Да. Чем могу помочь?

– Сперва снимите Руперта со стола, – ответила рыжеволосая особа и положила малыша в люльку. Плач усилился.

Бриджет подошла к Анжелике. Та как раз опускала непоседливого ребенка на пол. Руперт тут же пустился наутек от взрослых. Его походка напоминала шаги неуклюжего медвежонка. Анжелика и Бриджет рассмеялись.

– Добро пожаловать в бедлам! Сара мне сказала, что вы никогда не работали няней. Что ж, храбрости вам не занимать. Когда я сюда пришла, детей было двое, кто ж знал, что они еще двоих родят, – дружелюбно и с явным ирландским

акцентом сказала Бриджет. – Я уже пятая нянька тут. Я из большой семьи, меня не шибко беспокоит куча детей.

– Мне жаль, что вы покидаете нас, – искренне произнесла Анжелика, не отдавая себе отчета, что говорит, как леди, а не как служанка.

– Не жалейте! Моему уходу вы обязаны своим жалованьем, – ответила Бриджет и рассмеялась. – А вы не из простых, не так ли? – заметила она, приглядевшись к Анжелике.

За годы службы Бриджет повидала многих девиц и дам, в том числе и из обнищавших дворянских семей. Но ей и в голову не пришло бы, что она беседует с дочерью герцога.

Младенец перестал плакать.

– Боже милостивый, ура. Бедняжке не дают покоя зубы. У Руперта тоже такое было. И какая нужда привела вас сюда?

– Меня отрекомендовал знакомый Фергюсонов. Мне нужны деньги.

– Как и всем нам, – улыбнулась няня. – Вот и я домой, в Дублин, на пару месяцев всего, помочь сестре с близняшками. А потом вернусь в Лондон, искать новый заработок. В провинции для меня слишком тихо.

– О, я выросла за городом, и мне там нравилось, – ответила Анжелика.

– Ну, раз так, вам тут будет хорошо, – уверенно заявила Бриджет и представила детей. Старшему, Саймону, было четыре года. Эмме – три. Ее голова вся была увита белокурыми кудряшками. Руперт был младше сестры на год. Рыдавшему Чарльзу недавно исполнилось шесть месяцев. – Вам будет помогать Хелен, горничная для детской, но вообще-то на столько ребятишек нянь должно быть две. Впрочем, Саймон через год отправится в Итон. Миссис Фергюсон ждет не дождется, когда он уедет. Тогда станет чуточку легче – если только новых не родят за это время. Мистеру Фергюсону все мало и мало, хотя он и не навещает никогда собственных отпрысков. А миссис Фергюсон не возражает, ей это легко дается.

Интересно. Наниматель предпочитал лошадей и друзей обществу детей, но все равно настаивал на рождении новых наследников.

– Миссис Фергюсон вы здесь почти не увидите. По воскресеньям детей надо приводить к родителям на чай. Но минут через десять их, как правило, отправляют обратно в детскую, – продолжила Бриджет. Такой подход к материнству Анжелике был знаком. Элизабет тоже мало интересовалась дочерьми, пока они не повзрослели. – Где-то в комоде у нас есть платье для вас. Правда, вы такая крошечная, придется его ушить. Можете и мою одежду взять, но она будет вам уж совсем велика, – рассмеялась ирландка. Она была выского роста и обладала пышными формами.

Форма няни состояла из серого платья с белыми манжетами, белого чепца и накрахмаленного белоснежного фартука – по словам Бриджет, последний приходится менять по три раза на дню.

– Следить за чистотой одежды ребятишек мне помогает Хелен, – добавила Бриджет.

Затем она объяснила распорядок дня подопечных. Дети вставали рано. После завтрака гуляли или играли. Обед – в полдень, затем короткий сон. В половине шестого они пили чай и ели фрукты. Няня с ними играла или читала сказки. Затем купала и в семь часов укладывала спать.

– Я не очень хорошо читаю, – честно призналась Бриджет, – но дети еще малы, чтобы это понять. А если чего не разбираю, так выдумываю на ходу.

Анжелика, любившая книги с детства, подумала, что с этим она точно справится.

– Когда вы уезжаете? – нервно спросила она.

– Сразу после обеда.

– Им будет вас не хватать, – с грустью произнесла Анжелика, вспоминая, как сама скучала по няне, когда та уехала.

– Всего пару дней. Они быстро к вам привыкнут. В виде исключения завтра отведите детей на чай в библиотеку – тогда и познакомитесь с миссис Фергюсон. Хелен покажет, во что ребятишек следует одеть. Хозяйка любит их показывать друзьям, поэтому костюмы должны быть нарядными. О, и ей очень нравятся волосы Эммы. Обязательно причешите ее, даже если девочка расплачется. Если с прической будет что-то не так – придется туго.

Затем Бриджет приготовила подопечным завтрак. Он состоял из овсянки, хлеба с маслом, мармеладом и джемом, а также холодного молока. Когда она накрывала на стол, в детскую вошла Хелен. Как и Бриджет, горничная прослужила в доме два года и сама метила в няньки, но тут ее обошла какая-то особа, рекомендованная знакомцами Фергюсонов. Так что она затаила обиду на Анжелику. К тому же Хелен не понравилось, что новая няня выглядела точь-в-точь словно дочь благородного семейства. «И почему мисс Латэм решила, будто ей нужны деньги?» – подумала она, сверля Анжелику холодным взглядом.

– Введи мисс Латэм в курс дел, – обратилась к горничной Бриджет. – И никаких подлых штучек, чтоб выставить ее в дурном свете. Мы все с чего-то начинали, и она нуждается в твоей помощи.

Эмма тем временем подошла к Анжелике, с минуту пристально смотрела на нее, а потом забралась к ней на колени.

С момента прихода Анжелики прошел всего час, а в детской воцарился полный порядок: дети были накормлены и переодеты, кровати заправлены, и даже Чарльз перестал рыдать. Младенец улыбался и тянул ручки к ирландке. Но только Бриджет собралась заняться и его туалетом, как Руперт швырнул деревянную лошадку, целясь в голову Эммы. Бросок не удался: лошадка попала в стену. Бриджет достала мальчику другие игрушки и снова обратила внимание на самого младшего. Анжелика не понимала, как няне удавалось следить за всем сразу и идеально соблюдать распорядок дня. Здесь явно замешано какое-то волшебство. Или виртуозное мастерство. Или привычка жить в большой семье.

– Берегитесь брата миссис Фергюсон, – сказала Бриджет.

– Да, Сара меня тоже предупредила.

– Обворожительный мерзавец. Прошлой весной он пристал к одной из горничных. Как только хозяйка прознала об их связи, служанку немедленно уволили. Несчастной через пару месяцев уже рожать, а хозяева и пальцем не пошевелили, чтобы помочь. Ей даже не дали рекомендации. Так что запирайте на ночь дверь, когда этот бабник будет здесь гостить. За мистером Фергюсоном ничего такого замечено не было, хотя и поговаривают, что в городе у него пара любовниц. А жена и тут не возражает: ей главное – на его деньги славно пожить. Она и сама иногда проявляет интерес к симпатичным гостям.

Анжелика поймала себя на мысли, что семья Фергюсон все больше напоминает ей семью брата. Неудивительно, что они сдружились.

Погода в этот день стояла плохая, за окном лил дождь, поэтому о прогулке не было и речи. За разговорами незаметно подошло время обеда. В детскую подали курицу с овощами, мороженое и фруктовый десерт.

– Миссис Фергюсон вечно настаивает, будто Эмме надо меньше есть. Боится, что дочка растолстеет. Но я все равно даю ей пудинг, не морить же ее голодом. У самой хозяйки, кстати, фигура роскошная, хоть она и родила четверых детей. А талия так и вовсе осиная, но, возможно, это из-за корсета. Ее личная горничная говорит, миссис иногда в обморок падает, когда его затягивают.

Анжелике нравилась эта простая, общительная, добрая ирландка, и она очень надеялась, что ей удастся справляться с обязанностями так же легко, как и предшественнице. Хотя сейчас представить такое было невозможно. Когда Бриджет собрала вещи, Анжелику на мгновение захлестнула волна паники.

Ирландка попрощалась с детьми, обняв каждого ребенка, и на ее глаза навернулись слезы.

– Ну что же, удачи вам, мисс Латэм. Надеюсь, все у вас будет хорошо. Хозяева в целом люди неплохие, главное – их не злить и льстить хозяйке. Если бы они чаще брали детей с собой в Лондон, я бы вернулась, но здесь…

– Вы попрощаетесь с миссис Фергюсон? – спросила Анжелика.

– Нет, она пожелала мне счастливого пути еще на той неделе. Хозяйка не очень-то склонна привязываться к кому-то. Больше всех ее интересует собственная

персона. И помните: найти другую няню легко, а то забудете про осторожность – и пиши пропало.

– Я не забуду вашего совета, – серьезно ответила Анжелика. Она вдруг осознала, как ей повезло. Тристан мог найти место гораздо хуже, но ему было все равно, главное – убрать сестру из дома.

Бриджет обняла ее и ушла.

Анжелика уложила детей в постели. Чарльз заснул последним, сжимая в руках бутылочку с молоком. Попросив Хелен присмотреть за малышами, Анжелика нашла в комоде два самых маленьких форменных платья и поспешила в прачечную.

Прачки беседовали с личной горничной миссис Фергюсон.

– Мне жаль вас прерывать, но не могли бы вы поделиться серыми нитками и иголкой? Мне нужно ушить кое-что… – робко произнесла Анжелика.

Милдред, главная в прачечной, улыбнулась и взяла у нее платья.

– Да я сама вам все сделаю. Вы новая няня, верно?

– Да. Меня зовут Анжелика.

Прачка со строгим видом покачала головой, доставая иголку с нитками.

– Миссис Фергюсон не захочет, чтобы вас называли по имени. Вы теперь няня Фергюсон, – напомнила Милдред. Анжелика смутилась, и прачка с улыбкой добавила: – Впрочем, рада познакомиться. Платья будут готовы завтра утром. Как вам новая работа?

Анжелика, секунду поколебавшись, призналась:

– Немного боязно. Это мой первый опыт, я никогда раньше не имела дел с детьми.

Стелла – так звали личную горничную миссис Фергюсон – ответила с усмешкой:

– Я бы точно не хотела возиться с такой оравой. Эти сорванцы выматывают родную мать за пять минут. Хорошо, что у меня нет детей. Вы уже встречались с миссис Фергюсон?

– О, нет. Я приехала вчера вечером.

– Из Лондона? – подала голос одна из прачек.

– Из Хартфордшира. Дом и земли вокруг производят очень приятное впечатление.

– Вы не видели столичного особняка, – гордо произнесла Стелла. – Там мне больше нравится.

Анжелика кивнула и, попрощавшись, отправилась в детскую. Жаль, ей не придется обедать вместе с другими слугами – стоило познакомиться со всеми поближе. Хорошо хоть, Хелен будет составлять ей компанию.

Дети по-прежнему спали, и Анжелика решила перенести сумки из временной комнаты в детскую, где ей была отведена маленькая спальня. Сумку, в которой лежал подарок отца, она спрятала под кроватью, остальные едва уместились в тесном помещении. Пришлось поставить их друг на друга.

– Зачем вам столько платьев? – спросила Хелен. – В них же некуда ходить.

– Ну, я надеюсь, что когда-нибудь смогу надеть хорошее платье, – мечтательно ответила Анжелика.

В детскую заглянула Сара – у нее выдался короткий перерыв.

– Выглядишь, как истинная нянюшка, – заявила она, широко улыбаясь.

Анжелика обрадовалась ей, и они мило поболтали, словно лучшие подруги.

Не успела Сара уйти, проснулись дети. Анжелика с ними поиграла, почитала сказку, а потом искупала и в семь часов уложила спать. День пролетел незаметно, и Анжелика, валившаяся с ног от усталости, решила лечь пораньше, тем более завтра предстоял очень важный день – первая встреча с четой Фергюсон.

Так дочь герцога Уэстерфилда из Анжелики Латэм стала няней Фергюсон. Она потеряла не только прошлую жизнь, но и собственное имя.

Глава 4

К встрече с мистером и миссис Фергюсон Анжелика старательно приводила детей в порядок. Помня о наставлении Бриджет, она тщательно расчесала локоны Эммы и повязала их розовой лентой. Мальчики и Эмма выглядели безукоризненно, хотя и изнывали от скуки – поскольку с самого утра лил дождь, они снова остались без прогулки.

Анжелике тоже не терпелось посетить парк, особенно когда Хелен рассказала, что там есть лабиринт и что сады Фергюсонов считаются самыми красивыми в Гэмпшире.

Путь в библиотеку лежал через главный зал, который поразил Анжелику. Особенно ее восхитила громадная люстра. Все свечи на ней были зажжены, и хрусталь чудесно блестел и переливался. Предметы декора и мебель не уступали освещению в изысканности. Однако рассмотреть все как следует не было времени.

Из библиотеки доносились голоса, дверь была открыта. Увидев толпу гостей, которые вели светские беседы, смеялись и играли в карты, Анжелика замерла на пороге. Кто же из утонченных леди – миссис Фергюсон?

Помогла Эмма – она бросилась к матери. Евгения Фергюсон, облаченная в тяжелое платье из синего атласа, взяла дочь за руку и воззрилась на Анжелику холодными голубыми глазами. Каштановые волосы были убраны в модную прическу, над которой явно постаралась Стелла. В серьгах сверкали сапфиры –

весьма небольшие по сравнению с огромной брошью на груди.

От такого зрелища у Анжелики перехватило дыхание. Она присела в покорном реверансе, как и подобало служанке в присутствии хозяйки. Новая няня выглядела весьма скромно, однако миссис Фергюсон также оказалась впечатлена ее красотой.

– Полагаю, вы из семьи Латэм? – надменно произнесла хозяйка. Дети покрутились около нее, а затем бросились к отцу. – Ваш кузен очень хорошо отзывался о вас, – уже более теплым тоном продолжила она. – Он на протяжении нескольких месяцев говорил о вашем приезде.

Анжелику ошеломило ее заявление.

– Мой кузен? – переспросила она, не в силах вспомнить никого, кроме дальних родственников и короля Георга, но что-то ей подсказывало: отнюдь не его величество рекомендовал ее на должность няни к этой женщине.

– Его светлость герцог Уэстерфилд, Тристан Латэм. Он представил вас как дальнюю родственницу и очаровательную даму.

Как?! У него хватило наглости назвать Анжелику кузиной? Впрочем, солгать было гораздо легче, чем сказать правду – что он выпроваживает из родного дома единокровную сестру. Если Тристан месяцами беседовал об этом с Фергюсонами, значит, давно ждал, что отец умрет. Какое жуткое хладнокровие.

– О… Конечно же, Тристан…

– Мы с его женой, герцогиней, – заявила миссис Фергюсон, дабы произвести впечатление на гостей, – близкие подруги. В Лондоне мы совершенно неразлучны.

Анжелика кивнула, пытаясь не спускать глаз с подопечных. Те все еще резвились около отца.

– Я чрезвычайно рада и благодарна вам за предоставленную возможность, мэм, – вежливо произнесла она.

Но ни о какой благодарности брату за его козни не могло быть и речи. На вопрос миссис Фергюсон, почему Тристан не может сам позаботиться о родственнице, он ответил, что для кузины слишком велик позор прислуживать собственной семье. Уэстерфилд заверил подругу жены, что кузина безукоризненно воспитана, ведет себя достойно и сможет обучить детей французскому языку. Ее мать была француженкой далеко не благородного происхождения и вышла замуж за одного из отпрысков рода Латэм.

Правда это или нет, Евгения Фергюсон даже не задумывалась. Ее очень привлекла идея иметь в служанках особу аристократического происхождения. Это повысило бы престиж и статус миссис Фергюсон в обществе. Ее отец был всего лишь бароном и пожизненным пэром, а муж не мог похвастаться даже одним титулованным предком, хотя его богатство практически полностью компенсировало сей досадный недостаток.

Знай Анжелика, что говорил ее брат, она непременно пришла бы в совершенный ужас. Мари-Изабель приходилась родственницей королям Франции!

Анжелика направилась к детям, чтобы вызволить мистера Фергюсона из их окружения.

– Можете забрать их наверх, – с облегчением заявил Гарри Фергюсон, высокий красивый блондин. – Вы новенькая, не так ли?

Анжелика кивнула и присела в реверансе.

Ее подопечные не возмутились и не расстроились из-за короткого свидания с родителями – они уже привыкли к столь кратким встречам. Как и говорила Бриджет, в библиотеке они пробыли около десяти минут. Теперь хозяева не увидят своих чад почти неделю. Анжелика знала – во многих благородных семействах это считается нормальным, но ей стало жаль детей. Вспомнив свои близкие отношения с отцом, Анжелика решила заменить им мать и отца. Особенно Саймону, который через год должен был уехать в Итон. Ей казалось, покидать дом в пять лет ради школы еще хуже, чем то, что случилось с самой Анжеликой. Это слишком юный возраст, чтобы оставлять родные места.

Поднявшись в детскую, Анжелика прочла подопечным сказку. Кажется, им очень нравилось ее чтение, особенно Эмме. Но затем девочка прижалась к няне и

спросила, куда подевалась Бриджет. Неудивительно – она заботилась о них два года и стала им самым близким человеком на свете.

– Бриджет уехала навестить сестру, – объяснила Анжелика. Она не стала говорить, что прежняя няня не вернется.

Наступило время сна. Анжелика облачила детей в ночные рубашки без всякой помощи Хелен и была чрезвычайно этим горда. Чарльз и Руперт были уложены первыми, хотя последний два раза выбирался из постели, пока она укладывала Эмму. Затем настал черед Саймона. Двое самых маленьких детей спали в одной комнате, а старшие – Эмма и Саймон – в отдельных спальнях.

Анжелика пообещала девочке, что придет к ней, если той приснится плохой сон, и оставила дверь в ее комнату открытой. В целом прошедший день приятно удивил, а ее подопечные показались хорошими детьми.

В дверь постучали. Это оказалась Сара.

– Закончила на сегодня? Как все прошло? – спросила она.

– Очень хорошо. Мы спускались в библиотеку на чай. Миссис Фергюсон прекрасна.

Горничная кивнула:

– Да, но холодна, как айсберг, и думает только о себе. Мистер Фергюсон тоже красив, – добавила она с ухмылкой. – Мог бы найти себе кого получше, но, думаю, его соблазнил титул ее отца. Правда, толку от этого мало, и миссис обходится ему в целое состояние. Ты бы видела платья, которые Стелла приносит в прачечную. Прямо из Парижа! Вот бы мне хоть раз такое поносить… Кстати, внизу все только о тебе и говорили за ужином. Жаль, ты не можешь есть с нами, когда дети спят. Может, Хелен будет иногда присматривать за ними? Тогда ты сможешь присоединиться к нам хотя бы на чай с пудингом.

– Хотелось бы, – мечтательно ответила Анжелика.

В детской компанию ей могла составить только Хелен, но они еще не подружились, и уверенности в том, что подружатся, не было. Анжелике нравилась суета на кухне и в столовой для слуг. Она вспомнила Белгрейв и затосковала по дому. Хобсон, миссис Уайт, миссис Уильямс, Маркхэм, как они там? Завтра надо обязательно отправить письмо экономке.

Через полчаса Сара отправилась спать. Анжелика, немного почитав, последовала ее примеру. Бриджет предупреждала, что Чарльз просыпается рано, и Анжелика боялась не выспаться. Хотя ей было приятно наслаждаться тишиной и спокойствием после целого дня беготни за неугомонными чадами. Впрочем, они вели себя гораздо лучше, чем говорили слуги. Просто они – дети, и их много.

На следующий день стояла ясная, хоть и холодная погода. После завтрака Анжелика с детьми отправились в парк. Анжелику манил лабиринт, но она не осмелилась войти в него – боялась не найти выхода и потерять детей. Прогулка удалась на славу, и ее подопечные вернулись домой румяные и довольные, а кухарка выдала каждому ребенку по бисквитному печенью.

Анжелика заметила, что мистер Гилхоули пристально наблюдает за ней. Чем она могла привлечь такое внимание? Выглядел он в высшей степени недружелюбно. Впрочем, Хобсон тоже часто принимал такой вид, когда хотел сделать внушение или просто произвести впечатление на младших слуг. Но местный дворецкий был настроен явно враждебно. На мгновение она даже обрадовалась, что не обедает в столовой с остальными слугами, где от глаз Гилхоули было бы не скрыться.

Накормив и уложив детей спать, Анжелика оставила с ними Хелен, а сама спустилась на кухню выпить чаю. Дверь в кабинет дворецкого была открыта, и Гилхоули жестом пригласил ее войти.

– Нет ли у вас претензий относительно детской? Все ли вас устраивает? – официально спросил Гилхоули, однако Анжелика почувствовала в его голосе искреннее беспокойство. Затем, понизив голос так, чтобы их никто не мог слышать, он продолжил: – Миледи, я хочу, чтобы вы знали. Много лет назад я был слугой в Белгрейве при вашем отце. Я искренне скорблю о вашей потере. Он был великим человеком.

– Вне всяких сомнений, – грустно согласилась Анжелика. – Мне его очень не хватает.

– Миледи, не знаю, как вы сюда попали…

Анжелике не нравилось такое обращение дворецкого. Другие слуги не должны знать о ее аристократических корнях. Если уж она собралась жить и работать здесь, то ей необходимо стать одной из них.

– Вы не должны ко мне так обращаться, мистер Гилхоули. Это только повредит моим отношениям с остальными. Никто не должен знать, кто мой отец. В любом случае это осталось в прошлом, – серьезно ответила она.

– Очевидно, есть причины, по которым вы оказались здесь, и вам, должно быть, приходится весьма трудно, – с теплотой в голосе произнес Гилхоули.

– Теперь меня мало что способно удивить, – призналась Анжелика. – Но дела не так уж плохи. Здесь все отнеслись ко мне так дружелюбно…

– Счастлив слышать. Если я могу что-то сделать для вас… – Дворецкий посмотрел Анжелике прямо в глаза.

Она покачала головой. Ей не нужно специального обхождения. Она будет как все. Гилхоули уважал ее выбор. И все-таки ему было жаль, что эта девушка в столь юном возрасте испытывает большие перемены.

– Фергюсоны знают правду?

– Нет. Мой брат выдал меня за кузину. Пусть все так и будут считать.

– Конечно, как вы пожелаете. Уверен, хозяева оказались бы поражены, узнай, что наняли няней дочь герцога.

Хотя Гилхоули сдавалось, что им понравилось бы такое известие.

– Ах, все уже не важно, – горько произнесла Анжелика, едва сдерживая слезы. – Мой брат, его жена и дочери заняли Белгрейв. Для меня там нет места.

Дворецкий искренне ей сочувствовал. Он понимал, что без грязной игры со стороны Тристана тут не обошлось. Брат Анжелики оказался настоящим подлецом. Впрочем, если бы он не скрыл правду, то выглядел бы в глазах общества совершенно ужасно.

– Пути Господни неисповедимы, миледи, – мягко проговорил Гилхоули. – Я уверен, однажды вы вернетесь домой.

Она только кивнула, не в силах сказать ни слова. Он легонько похлопал ее по руке. По крайней мере, теперь у нее здесь появился новый друг, помимо Сары. Хобсон наверняка обрадуется, когда узнает, что еще один дворецкий покойного герцога взял Анжелику под свою защиту.

Собрав всю волю в кулак, Анжелика проглотила слезы и выпрямилась.

– Мне пора, – тихо произнесла она и поблагодарила мистера Гилхоули.

– Присоединяйтесь к нам иногда, – пригласил он.

Анжелика улыбнулась.

– Конечно, хотя дети и будут стараться не допустить этого.

– Не сомневаюсь, миледи, – рассмеялся дворецкий. – Я надеюсь, вы здесь будете счастливы и останетесь надолго. – Хотя на самом деле желал ей как можно скорее вернуться в Белгрейв.

Анжелика поспешила в детскую. Хелен ждала ее с большим нетерпением.

– Почему так долго?

– Мои извинения. Мистер Гилхоули пожелал побеседовать со мной.

– И чего же он хотел? – с подозрением спросила служанка.

– Как выяснилось, он был знаком с моим отцом, – честно ответила Анжелика, но сразу пожалела об этом.

– Ваш отец тоже служил дворецким или лакеем?

– Нет, – тихо произнесла Анжелика, не зная, что сказать. – Вовсе нет. Они были просто знакомыми.

В это время захныкал Чарльз, и Анжелика поспешила к нему, а вскоре проснулись и остальные. Немного поиграв, они отправились кататься на пони. В это время в конюшню вошел мистер Фергюсон. Он даже не остановился поговорить с детьми и, лишь помахав им рукой, выехал на конную прогулку.

Жизнь шла размеренно и мирно. Анжелика привыкала к своим подопечным. Конечно, следить сразу за всеми было непросто, но ей это нравилось. Она чувствовала себя нужной, и время пролетало незаметно. Анжелика начала заниматься с детьми французским, и спустя месяц они выучили уже много слов и даже несколько песенок. Близилось Рождество. Дети помогали украшать гигантскую елку в главном зале и пришли в восторг от результата. Фергюсоны целый месяц провели в Лондоне и вернулись в Гэмпшир только за день до праздника.

Рождественским утром Фергюсоны вручили детям подарки и, прежде чем отправиться на праздничный прием, сообщили, что через несколько месяцев у них появится новый ребенок. Новость стала совершенной неожиданностью для Анжелики. Младенец должен был появиться на свет в мае, затем примерно месяц он будет находиться на попечении кормилицы, а потом няне Фергюсон предстоит заботиться уже о пяти детях – пока Саймон не отправится в Итон, то есть до конца лета. Миссис Фергюсон ясно высказалась, что подмога Анжелике не нужна, если старший ребенок скоро уедет, а с четырьмя подопечными она прекрасно справляется. О том, каких усилий это стоило, хозяйка не имела никакого представления. Сделав няне небольшой рождественский подарок, чета Фергюсон отослала ее и детей в детскую, а сама отправилась принимать гостей.

Анжелика помогла открыть подарки. Саймон получил настольную игру, Руперт – мягкого медведя, Эмма – куклу, а Чарльз – серебряную погремушку, тут же очутившуюся у него во рту. Подарки всем понравились. Анжелике достались

перчатки из серой кожи, подходившие к ее форме, и при этом весьма красивые. Примерив подарок, она обнаружила, что размер угадан идеально. Миссис Фергюсон постаралась.

В январе хозяева решили взять детей с собой в Лондон на две недели, и Анжелика – как и ее подопечные – предвкушали поездку. Наконец, одним морозным утром в трех роскошных каретах семейство отправилось в столицу. Саймон был в восторге, Эмме – путешествие не понравилось, поскольку ее укачивало. Руперт и Чарльз быстро заснули.

В лондонском особняке слуги чрезвычайно обрадовались как детям, так и новой няне и с удовольствием показали ей дом. Огромная резиденция Фергюсонов находилась на Керзон-стрит, в районе Мейфэр, и была битком набита изысканной мебелью, картинами и скульптурами. Хозяева каждую ночь отправлялись на светские рауты, либо устраивали приемы дома. Становилось понятно, почему Евгения находила Гэмпшир скучным местом. В городе у нее было полно друзей, с которыми она ходила в театр или оперу. Гарри же занимался делами в Сити, после чего наведывался в клуб, где обедал с приятелями или играл в азартные игры.

Однажды в воскресенье Фергюсоны позвали гостей на чай, и Анжелике предстояло привести детей. Одев подопечных в лучшие наряды, она как ни в чем ни бывало отправилась в гостиную, где ее ждал сомнительный сюрприз. У окна стояли Тристан и Элизабет, сделавшие вид, что не узнали ее.

Анжелика хотела с ними поздороваться, но брат тут же отошел к столу, а его супруга отвернулась и завела беседу со знакомой.

Однако миссис Фергюсон вывела их на чистую воду.

– Неужели вы не узнали собственную кузину? – прямо спросила она Тристана. – Вы оказались совершенно правы в ее отношении – она замечательно справляется со своими обязанностями. Саймон и Эмма уже выучили французский.

Уэстерфилд в ответ делано удивился, холодно поприветствовал сестру, словно был едва с ней знаком, и ледяным тоном ответил:

– Действительно, я не узнал ее. Уверен, вы чрезвычайно добры к ней.

Элизабет же ничего не произнесла, только вперила в Анжелику взгляд, полный ненависти. Очевидно, они предполагали, что Анжелика с подопечными находится в Гэмпшире, и никак не рассчитывали увидеть ее здесь.

Через пятнадцать минут миссис Фергюсон подала Анжелике знак: пора уводить детей. За время, проведенное в зале, Анжелика хорошенько рассмотрела брата и невестку.

Элизабет была одета в красивое платье, но миссис Фергюсон ее перещеголяла. Дочери Уэстерфилда отсутствовали – их время еще не пришло. Из разговора Элизабет со знакомой Анжелика поняла, что первый сезон Гвинет наступит в июле.

Сезон. Раньше Анжелика не желала выходить в свет, а теперь никогда уже не сможет. После того как Тристан изгнал сестру из Белгрейва, ее шансы найти благородного жениха растаяли.

Эта встреча неприятно потрясла Анжелику. Впрочем, не только ее. Элизабет была очень бледна, когда Анжелика прошла мимо нее к выходу, а брат явно вздохнул с облегчением. Анжелика иногда задумывалась, не сожалеет ли Тристан о содеянном. Теперь ответ был очевиден. Он не только отрекся от нее как от сестры, но и явно не хотел никогда ее видеть. Пожалуй, если бы Анжелика сгинула, ему стало бы гораздо легче. Да и сейчас она существует для него лишь как призрак из прошлого. У нее теперь нет семьи.

Анжелика осталась одна.

Глава 5

Фергюсоны решили остаться в Лондоне до февраля, чтобы в полной мере насладиться светской жизнью до того, как полнота Евгении станет заметнее. Против обыкновения они оставили детей с собой, в столице. Анжелика обрадовалась этому больше, чем сама того ожидала.

Так странно было осознавать, что она и сама могла бы провести эту зиму, подобно хозяевам, если бы отец вывел ее в свет прошлым летом. Анжелику представили бы самым уважаемым семействам, двору и потенциальным женихам. С такой родословной за ее руку и без солидного приданого боролся бы любой. Быть может, Анжелика и влюбилась бы в кого-то.

Но судьба распорядилась по-другому. Потеряв отчий дом, отвергнутая братьями, она стала служанкой. Мир, для которого Анжелика была рождена, ускользнул от нее. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/daniela-stil/gercoginya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити